

Станислав Лем. Звездные дневники Ийона Тихого Путешествие двадцать четвертое

На тысяча шестой день после отлета с местной системы в туманности Нериды я заметил на экране ракеты пятнышко, которое напрасно старался стереть кусочком замши. За неимением другого занятия я чистил и полировал экран четыре часа подряд, прежде чем заметил, что пятнышко – это планета, очень быстро увеличивающаяся. Облетая вокруг этого небесного тела, я с немалым удивлением увидел, что его обширные материки покрыты правильными геометрическими орнаментами и рисунками. Соблюдая необходимую осторожность, я высадился посреди голой пустыни. Она была выложена небольшими дисками, около полуметра в диаметре; твердые, блестящие, словно выточенные, они тянулись длинными рядами в разные стороны, складываясь в узоры, уже замеченные мною с большой высоты. Закончив предварительные исследования, я сел за руль, поднялся в воздух и стал носиться низко над землей, пытаюсь разгадать тайну этих дисков, которая безмерно интриговала меня.

Во время двухчасового полета я обнаружил один за другим три огромных красивых города; я опустился на площадь в одном из них, но он был совершенно пуст; дома, башни, улицы – все словно вымерло, хотя нигде не было следов ни войны, ни стихийного бедствия. Все более удивляясь и недоумевая, я полетел дальше и около полудня очутился над обширным плоскогорьем. Заметив вдали блестящее здание, а вокруг него какое-то движение, я тотчас поспешил туда. На каменистой равнине возвышался дворец, весь сверкающий, словно высеченный из цельного алмаза; к его золоченым дверям вели мраморные ступени, у подножия которых толпилось несколько десятков существ. Присмотревшись к ним, я пришел к выводу, что, если только зрение меня не обманывает, они не только живые, но и похожи на людей настолько, что я назвал их *Animal hominiforme*; это название было у меня наготове: во время полетов я всегда сочинял различные определения, чтобы иметь их в запасе на подобный случай. Имя *Animal hominiforme* отлично подходило к этим существам, так как они ходили на двух ногах и у них были руки, головы, глаза, уши и рты; правда, рот находился посреди лба, уши под подбородком (по паре с каждой стороны), а глаз, разбросанных по обеим щекам, был целый десяток; но путешественнику, который, как я, встречал в своих странствованиях самых удивительных тварей, эти существа в высшей степени напоминали людей.

Приблизившись на разумное расстояние, я спросил, что они делают. Они не ответили, продолжая усердно заглядывать в алмазные зеркала, возвышавшиеся на нижних ступенях лестницы. Я попытался оторвать их от этого занятия раз, другой и третий, но, видя безуспешность своих усилий, потерял терпение и

энергично потряс одного из них за плечо. Тотчас все обернулись, словно впервые заметив меня, с легким удивлением оглядели мою ракету, после чего задали несколько вопросов, на которые я охотно ответил. Так как они ежеминутно прерывали беседу, чтобы заглянуть в алмазные зеркала, я стал опасаться, что не сумею расспросить их, как должно; в конце концов я уговорил одного из них удовлетворить мое любопытство. Этот индиот (ибо они называются, по его словам, индиотами) сел со мною на камнях недалеко от лестницы. Я был рад, что именно он стал моим собеседником, ибо в десятке его глаз, сверкавших посреди щек, отражался незаурядный ум. Откинув уши на плечи, он рассказал мне историю своих сородичей такими словами:

– Чужестранный путник! Ты должен знать, что мы народ с давним и славным прошлым. Население нашей планеты испокон веков делилось на спиритов, достойных и лямкарей. Спириты пытались постигнуть сущность Великого Инды, который сознательным актом творения создал индиотов, поселил их на этой планете и в непостижимом своем милосердии окружил звездами, сверкающими в ночи, а также приладил Солнечный Огонь, дабы он освещал наши дни и ниспосылал нам благодетельное тепло. Достойные устанавливали подати, разъясняли значение государственных законов и пеклись о заводах, на которых смиренно трудились лямкари. Так все дружно трудились для общего блага. Жили мы в мире и согласии; цивилизация наша расцветала все пышнее. На протяжении веков изобретатели создавали машины, облегчавшие труд; и там, где в древности сотни лямкарей гнули облитые потом спины, через несколько веков стояло их у машин лишь двое–трое. Наши ученые все больше совершенствовали машины, и народ этому радовался, но последующие события показали, насколько эта радость была, увы, преждевременной. А именно: один ученый конструктор создал Новые Машины, столь совершенные, что они могли работать самостоятельно, без всякого наблюдения. И это было началом катастрофы. По мере того как на заводах появлялись Новые Машины, толпы лямкарей лишались работы и, не получая вознаграждения, оказывались лицом к лицу с голодной смертью...

– погоди, индиот, – прервал я его. – А что случилось с доходом, который приносили заводы?

– Как что? – возразил мой собеседник. – Доход поступал достойным, их законным владельцам. Так вот, я уже сказал, что нависла угроза голодной смерти...

– Что ты говоришь, почтенный индиот! – воскликнул я. – Довольно было бы объявить заводы общественной собственностью, чтобы Новые Машины прокатились в благодеяние для вас!

Едва я произнес это, как индиот задрожал, замигал тревожно десятком глаз и запродал ушами, чтобы узнать, не слышал ли моих слов кто-либо из его товарищей, толпящихся у лестницы.

– Во имя десяти носов Инды умоляю тебя, чужеземец, не высказывай такой ужасной ереси – это гнусное покушение на самую основу наших свобод! Знай, что высший наш закон, называемый принципом свободной частной инициативы граждан, гласит: никого нельзя ни к чему приневоливать, принуждать или даже склонять, если он того не хочет. А раз так, кто бы осмелился отобрать у достойных фабрики, если достойным было угодно радоваться им?! Это было бы самым вопиющим попранием свободы, какое только можно себе представить. Итак, я уже говорил, что Новые Машины создали огромное множество неслыханно дешевых товаров и лучших припасов, но лямкари ничего не покупали, ибо им было не на что...

– Но, дорогой индиот, – вскричал я снова, – разве лямкари поступали так добровольно? Где же была ваша вольность, ваши гражданские свободы?!

– Ах, достойный чужеземец, – ответил, вздохнув, индиот, – наши законы по-прежнему соблюдались, но они говорят только о том, что всякий гражданин волен поступать со своим имуществом и деньгами, как ему угодно, и ничего не говорят о том, где их взять. Лямкарей никто не угнетал, никто их ни к чему не принуждал, они были совершенно свободны и могли делать все что угодно, а между тем, вместо того чтобы радоваться столь полной свободе, мерли как мухи... Положение становилось все более угрожающим: на заводских складах громоздились до неба горы товаров, которых никто не покупал, а по улицам бродили толпы отоцалых, как тени, лямкарей.

Правящий государством Высокий Индинал, состоящий из спиритов и достойных, целый год совещался о мерах борьбы с этим злом. Члены его произносили длинные речи, с величайшим жаром ища выхода из тупика, но напрасны были все их усилия. В самом начале совещаний один из членов Индинала, автор превосходного сочинения о сущности индиотских свобод, потребовал отобрать у конструктора Новых Машин золотой лавровый венок и выколоть ему девять глаз. Против этого восстали спириты, умоляя во имя Великого Инды сжалиться над изобретателем. Четыре месяца Индинал разбирался, нарушил ли конструктор законы нашей страны, изобретая Новые Машины. Собрание разделилось на два ожесточенно враждующих лагеря. Конец спору был положен пожаром архивов, истребившим все протоколы; а так как никто из высоких членов Индинала не помнил, какого мнения держался, тем дело и кончилось. Затем предложено было уговорить достойных – владельцев заводов – отказаться от Новых Машин; Индинал с этой целью образовал смешанную комиссию, но все ее просьбы и уговоры не помогли. Достойные ответили, что Новые Машины работают быстрее и

дешевле лямкарей, а потому им угодно производить продукцию именно этим способом.

Высокий Индинал начал советовать далее. Был разработан законопроект, предписывавший владельцам заводов выделять известную долю своих доходов лямкарям, но и он был отвергнут, ибо, как справедливо заметил Ахриспирит Ноулейб, такая даровая раздача средств к существованию духовно развратила бы и унизила лямкарей. Тем временем горы готовых товаров все росли и наконец стали ссыпаться через заводские ограды, а измученные голодом лямкари стекались к ним толпами с грозными криками. Напрасно спириты с величайшей кротостью твердили им, что тем самым они восстают против законов государства и неисповедимых путей Инды, что они должны со смиреньем нести свой крест, ибо, умерщвляя плоть, они возносятся духом на непостижимую высоту и снискивают верную награду на небесах. Лямкари оказались глухи к этим мудрым словам, и для усмирения их злонамеренных замыслов пришлось прибегнуть к вооруженной силе.

Тогда Высокий Индинал призвал пред свое лицо ученого конструктора Новых Машин и обратился к нему с такими словами:

"Ученый муж! Великая опасность грозит нашему государству, ибо в массах лямкарей рождаются бунтовские, преступные мысли. Они домогаются ниспровергнуть наши великие вольности и законы о свободе инициативы. Нам должно напрячь все силы для защиты свободы. Тщательно все обсудив, мы убедились, что не справимся с этой задачей. Даже наделенный величайшими добродетелями, совершеннейший и законченный индиот может поддаться велениям чувств, колебаться, склоняться на чью-либо сторону, ошибаться и потому не вправе решать столь запутанный и важный вопрос. Поэтому ты должен в течение шести месяцев построить нам Машину для Управления Государством, обладающую точным мышлением, строго логичную, совершенно объективную, не знающую ни колебаний, ни эмоций, ни страха, затемняющих работу живого разума. Пусть эта Машина будет так же беспристрастна, как беспристрастен свет Солнца и звезд. Когда ты создашь ее и приведешь в действие, мы переложим на нее бремя власти, слишком тяжелое для наших плеч".

"Да будет так, Высокий Индинал! – ответил конструктор. – Но каков должен быть основной принцип деятельности Машины?"

"Конечно, принцип свободной инициативы граждан. Машина не должна ничего ни приказывать им, ни запрещать; она может, конечно, изменять условия нашего существования, но только путем предложений, предоставляя нам возможности, между которыми мы будем свободно выбирать".

"Да будет так, Высокий Индинал! – повторил конструктор. – Но это касается путей ее действия, а я спрашиваю о конечной цели. К чему должна будет стремиться Машина?"

"Нашему Государству угрожает хаос; ширится анархия и неуважение к законам. Пусть Машина установит на планете Высочайшую Гармонию, пусть установит и упрочит Совершенный и Абсолютный порядок".

"Будет, как вы сказали! – промолвил конструктор. – В течение шести месяцев я построю Установитель Добровольного Абсолютного Порядка. Я берусь это сделать. Прощайте..."

"Погоди, – прервал его один из достойных. – Машина, которую ты построишь, должна действовать не только совершенно, но и приятно, то есть все создаваемое ею должно вызывать ощущения, которые удовлетворили бы самый изысканный вкус..."

Конструктор поклонился и молча вышел. Напряженно работая, с помощью отряда искусных ассистентов он создал Машину для Управления Государством, ту самую, которую ты, чужеземец, видишь на горизонте как темное пятнышко. Это громада железных цилиндров удивительного вида, в которых что-то непрестанно гроыхает и вспыхивает. День ее запуска был большим государственным праздником; старейший Архиспирит торжественно освятил ее, после чего Высокий Индинал передал ей всю полноту власти. Тотчас же Установитель Добровольного и Абсолютного Порядка протяжно засвистел и приступил к делу.

Шестеро суток Машина работала непрерывно; днем над нею возносились клубы дыма, ночью ее окружало светлое зарево. Почва сотрясалась на сто шестьдесят миль кругом. Потом дверцы в ее цилиндрах раскрылись, и оттуда высыпали толпы маленьких черных автоматов, которые враскачку, словно утки, разбежались по всей планете, до самых отдаленных закоулков ее. Куда бы они ни попали, они собирались у заводских складов и в общепонятных и изящных словах требовали различных товаров, за которые платили без промедления. За одну неделю склады опустели, и достойные – владельцы заводов – облегченно вздохнули, говоря: "Поистине превосходную Машину построил конструктор!"

Действительно, изумление охватывало при виде того, как автоматы потребляют купленные ими товары: они одевались в парчу и атлас, смазывали себе оси косметикой, курили табак, читали книги, роняя над печальными страницами синтетические слезы, и даже нашли искусственный способ лакомиться деликатесами и сладостями (правда, без пользы для себя, ибо питались они электричеством, но зато с пользой для фабрикантов). Только толпы лямкарей не выражали ни малейшего удовлетворения – напротив, их

ропот все нарастал. Дстойные же с надеждой ожидали от Машины дальнейших действий, которые не заставили себя ждать.

Она накопила огромные запасы мрамора, алебастра, гранита, горного хрусталя, яшмы, груды меди, мешки золота и серебра, а затем, грохоча и дымя ужасно, построила здание, какого индиоты доселе не видывали, – вот этот Радужный Дворец, что высится пред тобой, чужеземец!

Я посмотрел туда, куда показывал индиот. Солнце как раз выглянуло из-за туч, и лучи его заиграли на шлифованных стенах, рассыпаясь сапфировыми и гранатовыми огнями; радужные пятна, казалось, трепетали у выступов и бастионов, а крыша со стройными шпилями, выложенная золотой чешуей, вся сверкала. Я наслаждался этим великолепным зрелищем, а индиот продолжал:

– По всей планете разнеслась весть об этом дивном здании. Начались настоящие паломничества к нему из самых дальних краев. Когда толпы заполонили все окрестные поля и луга, Машина разверзла свои железные уста и заговорила:

"В первый день Месяца Стручьев растворятся яшмовые врата Радужного Дворца, и каждый индиот, знатный или безродный, сможет по своей воле войти в него и вкусить всего, что его там ожидает. До этого времени сдержите добровольно свое любопытство, как потом добровольно будете его насыщать".

И вот утром, в первый день Месяца Стручьев, загремели серебряные фанфары и с глухим рокотом растворились двери Дворца. Толпы народа потекли в него широкой рекою, втрое шире, чем мощеная дорога, соединяющая обе наши столицы – Дебилию и Морону. Целый день двигались массы индиотов, но толпа их не убывала, ибо из глубины страны прибывали все новые. Машина оказывала им гостеприимство: черные автоматы, пробираясь в давке, разносили прохладительные напитки и сытные кушанья. Так продолжалось пятнадцать дней. Тысячи, десятки тысяч, наконец, миллионы индиотов вошли в Радужный Дворец, но из тех, кто вошел, ни один не вернулся.

Кое-кто удивлялся, что бы это могло означать и куда могла сгинуть такая масса народа, но их одинокие голоса тонули в бодром ритме маршевой музыки; проворные автоматы поили жаждущих и насыщали голодных, серебряные куранты на дворцовых башнях вызванивали время, а когда наступала ночь, хрустальные окна Дворца горели огнями. Наконец толпы ожидающих значительно поредели; лишь несколько сот индиотов терпеливо ждали на мраморных ступенях своей очереди, и вдруг, заглушая бравурную барабанную дробь, разнесся крик ужаса: "Измена! Слушайте! Дворец совсем не чудо, но адская ловушка! Спасайся кто может! Горе! Горе!"

"Горе!" – отозвалась толпа на ступенях, заметалась и кинулась врассыпную. Ей никто не препятствовал.

На следующую ночь несколько отважных лямкарей подкрались к Дворцу. Вернувшись, они рассказали, что задняя стена Дворца медленно раскрылась и оттуда высыпалось несметное множество блестящих кружков. Вокруг них засуетились черные автоматы, развозя их по полям и укладывая замысловатыми фигурами и узорами.

Услыхав об этом, спириты и достойные, ранее заседавшие в Индинале (они не ходили к Дворцу, дабы не смешиваться с уличным плебсом), тотчас же собрались и, желая разгадать тайну, призвали к себе ученого конструктора. Вместо него явился его сын, он был мрачен и катил перед собой большой прозрачный диск.

Достойные, не владея собой от нетерпения и гнева, бранили ученого и осыпали его самыми тяжкими проклятиями. Они забросали юношу вопросами, требуя объяснить, что за тайны кроются в Радужном Дворце и что сделала Машина с вошедшими туда индиотами.

"Не смейте порочить память моего отца! – гневно ответил юноша. – Он построил Машину, строго придерживаясь ваших приказов и пожеланий; пустив ее в ход, он не больше каждого из нас знал, что она будет делать, и лучшее тому доказательство – то, что он одним из первых вошел в Радужный Дворец!"

"И где же он теперь?!" – воскликнул Индинал в один голос.

"Вот он", – скорбно ответил юноша, показывая на блестящий диск. Надменно взглянул он на старцев и ушел, никем не задерживаемый, катя перед собою превращенного отца.

Члены Индинала содрогнулись от гнева и тревоги; потом, придя к убеждению, что Машина не посмеет причинить им зла, запели гимн индиотов, укрепясь оттого духом, вместе вышли из города и вскоре очутились перед железным чудовищем.

"Негодная! – вскричал старейший из достойных. – Ты обманула нас и попрала наши законы! Останови сей же час свои котлы и винты! Не смей больше поступать так бесчинно! Что ты сделала со вверенным тебе народом индиотов, говори?"

Едва он умолк. Машина остановила свои шестерни. Дым растаял в небе, воцарилась полная тишина, потом железные уста раскрылись, и зазвучал голос, подобный грому:

"О достойные, и вы, спириты! Я Властительница индиотов, вами самими вызванная к жизни, и должна сознаться, что не могу стерпеть беспорядка в ваших мыслях и неразумности ваших упреков! Сначала вы требуете, чтобы я установила порядок, а потом, когда я приступаю к делу, мешаете мне работать! Вот уже три дня, как Дворец опустел; наступил полный застой, никто из вас не приближается к яшмовым вратам, и завершение моего дела задерживается. Но я заверяю вас, что не остановлюсь, пока его не закончу".

При этих словах затрепетал Индинал, как один человек, и воскликнул: "О каком порядке ты говоришь, бесчестная? Что ты сделала с братьями и ближними нашими, презрев законы нашей страны?!"

"Что за глупый вопрос!— ответила Машина.— О каком порядке я говорю? Взгляните на себя, посмотрите, как беспорядочно устроены ваши тела; из них торчат всякие конечности, одни из вас высокие, другие низкие, одни толстые, другие худые... Двигаетесь вы хаотично, останавливаетесь, глазете на какие-то цветы, на облака, бродите без цели по лесам, и ни на грош нету во всем этом математической гармонии! Я, Установитель Добровольного и Абсолютного Порядка, придаю вашим хрупким, слабым телам красивые, прочные, неизменные формы, из которых выкладываю приятные глазу симметричные рисунки и орнаменты несравненной правильности, вводя таким образом на планете элементы совершенного порядка..."

"Чудовище! — возопили спириты и достойные. — Как ты смеешь губить нас?! Ты попираешь наши права, уничтожаешь нас, истребляешь!"

В ответ Машина пренебрежительно скрежетнула и промолвила: "Говорила же я, что вы и мыслить-то логически не умеете. Разумеется, я уважаю ваши права и свободы. Я устанавливаю порядок, не прибегая к насилию или принуждению. Кто не хотел, не входил в Радужный Дворец; тех же, кто сделал это (и сделал, повторяю, по собственной, частной инициативе), тех я изменяла, превращая вещество их тела так замечательно, что в новой форме они просуществовали века. Ручаюсь вам в этом".

Некоторое время царил молчание. Потом, пошептавшись между собою, члены Индинала решили, что законы Машиной действительно не нарушались и дело обстоит совсем не так плохо, как казалось сначала.

"Мы сами, — сказали достойные, — никогда бы не совершили такого злодеяния, вся ответственность падает на Машину; она поглотила огромные множества готовых на все лямкарей, и теперь оставшиеся в живых достойные могут вместе со спиритами вкушать покой, восхваляя неисповедимые пути Великого Инды. Будем, — сказали они, — издалека обходить Радужный Дворец, и тогда не случится с нами ничего дурного".

Хотели они уже разойтись, но тут Машина заговорила снова: "Слушайте внимательно то, что я скажу вам. Я должна закончить начатое мною дело. Не собираюсь никого приневоливать, уговаривать или склонять к каким-либо поступкам; я и далее предоставляю вам полную свободу частной инициативы, но заявляю, что если кто-либо из вас пожелает, чтобы его сосед, брат, знакомый или другой близкий человек взошел на ступень Кругообразной Гармонии, пусть вызовет черные автоматы, которые тотчас же явятся к нему и поведут указанного им человека в Радужный Дворец. Это все".

Воцарилось молчание, в котором достойные и спириты переглядывались со внезапно возникшими подозрениями и тревогой. Наконец заговорил Архиспирит Ноулейб, дрожащим голосом разъясняя Машине, что было бы великой ошибкой превращать их всех в блестящие диски; так будет, если такова воля Великого Инды, но, чтобы познать ее, понадобится много времени. Поэтому он предлагает Машине отложить свое решение на семьдесят лет.

"Не могу, – отвечала Машина, – ибо я уже разработала подробный план работ на период после превращения последнего индиота; ручаюсь вам, что готовлю планете блистательнейшую судьбу, какую только можно вообразить: вечное пребывание в гармонии, которая, мне кажется, понравилась бы и тому Инде, о котором ты говоришь и с которым я не знакома; нельзя ли и его привести в Радужный Дворец?"

Машина умолкла, ибо поле перед ней опустело. Достойные и спириты разбежались по домам, и каждый из них предался в четырех стенах размышлениям о своем будущем, и чем больше он думал, тем больший его охватывал страх, ибо каждый боялся, что сосед или знакомый, питающий к нему недружелюбные чувства, пришлет за ним черные автоматы, и каждый не видел для себя другого выхода, как сделать это первому. Вскоре ночную тишину прорезали крики. Выставив из окон искаженные ужасом лица, достойные кидали во мрак отчаянные призывы, и на улицах слышался топот множества железных ног. Сыновья приказывали вести во Дворец отцов, деды – внуков, брат выдавал брата, и за одну эту ночь тысячи достойных и спиритов растаяли до маленькой горстки, которую ты видишь перед собою, чужеземный странник. Наутро рассвет озарил поля с мириадами гармоничных орнаментов, выложенных из блестящих кружков, – вот и все, что осталось от наших сестер, жен и всех наших близких. В полдень Машина заговорила громовым голосом:

"Довольно! Обуздайте свой пыл, достойные, и вы, остатки спиритов! Я закрываю двери Радужного Дворца, но обещаю вам, что ненадолго. Я исчерпала уже все узоры, заготовленные для Установления Абсолютного Порядка, и должна подумать над новыми; а тогда вы снова сможете поступать по своей совершенно свободной воле".

С этими словами индиот поглядел на меня с печалью в глазах и тихо закончил: – Машина сказала это два дня назад... И вот мы собрались здесь и ждем...

– О почтенный индиот! – вскричал я, приглаживая ладонью взъерошившиеся от возбуждения волосы. – Страшна твоя повесть и совершенно невероятна! Но ответь мне, умоляю тебя, почему вы не восстали против этого механического чудовища, истребившего вас, почему позволили принудить себя к...

Индиот вскочил, всем своим видом выражая величайшее возмущение. – Не оскорбляй нас, чужеземец! – воскликнул он. – Ты говоришь сгоряча, и потому я тебя прощаю... Взвесь в своих мыслях все, что я рассказал тебе, и ты непременно придешь к единственно верному выводу, что Машина соблюла принцип свободной инициативы и, хотя тебе это может показаться удивительным, оказала большую услугу народу индиотов, ибо нет несправедливости там, где закон утверждает величайшую из возможных свобод. Кто, скажи мне, решился бы предпочесть ограничение свободы...

Он не закончил, ибо раздался страшный скрип и яшмовые двери величаво раскрылись. Увидя это, все индиоты вскочили на ноги и бегом кинулись вверх по лестнице.

– Индиот! Индиот!– кричал я, но мой собеседник только помахал мне рукой, крикнул: "Теперь уже некогда!" – и большими прыжками вслед за другими исчез в глубине Дворца.

Я стоял довольно долго, потом увидел отряд черных автоматов; промаршировав к стене Дворца, они открыли дверку, и оттуда высыпалось множество красиво блестящих на солнце кружков. Потом они покатали эти кружки в чистое поле и там остановились, чтобы закончить какой-то незавершенный узор. Врата Дворца оставались широко открытыми; я подошел, чтобы заглянуть внутрь, но по спине у меня прошел неприятный холодок. Машина разверзла свои железные уста и пригласила меня войти.

– Но я-то не индиот, – возразил я. С этими словами я повернулся, поспешил к ракете и уже через минуту работал рулями, возносясь с головокружительной скоростью в небо.